

Раненая земля

В островерхом чуме ненецкого оленевода под крепкий (еще индийский) чай шел у нас неторопливый разговор: сюда, на крайнем Ямальского полуострова освоители — буровики, газовики, трассовики — еще не добрались, но свои намерения уже обнародовали, и мудрого хозяина чума, тундрового вэсако, недалняя перспектива не на шутку тревожила.

— Они зачем сюда идут, — поинтересовался старик, — за дровами?

— Какие дрова в голой тундре? — не понял я старикинской мысли. — В Арктику держава идет за природным газом.

— Газом, как дровами, печки топят, — не отступался собеседник. — Значит, за дровами.

— По существу верно, — вынужден согласиться я. Хотя, понятно, природный газ годится не только на «дрова».

— Почему же дрова важнее мяса? — не унимался растревоженный вэсако. — Мы здесь оленей кормим, мясо пасем для народа. Они придут газопроводы строить, все ягельники перетопчут, выпаса стубят. Дрова-то будут, а на мясо тундры уже не останется.

Меня поразила эта голая, но по существу глубоко государственная логика. Понятно, нюансы есть, но в главном-то растревоженный тундровик прав. Наивный и простенький вроде вопрос выражает суть предстоящей ямальской (и продолжающейся тюменской) драмы: в неразумно неэффективной погоне за невозобновимыми ресурсами мы губим то, что способно плодоносить вечно — на Ямале это ягельные пастбища, рыбные озера, на прочих сибирских просторах — тайга, реки, луга, пашни. Какой государственный интерес при сем блюдет? Может быть, державно непонятлив бывалый оленевод, не дорос до сознания важности государственного погубления родовых земель, мыслит на отсталом уровне «дрова — мясо»? Или это мы в неразумной политике освоения перестали полагаться на народный здравый смысл?

Решая собственные сегодняшние проблемы, не обворовываем ли мы детей и внуков, не приторговываем ли будущим? Кем дадено нам это право?

Что за напасть такая, что за глобальный рок висит над Западной Сибирью! Подозреваю, что «повинен» во всем сибирский масштаб

их ухода никто не объяснил, вроде отработали свое, отслужили, если пересчитать геройские награды и лауреатские знаки — вроде достойно и доблестно, заслужив персональные пенсии и соответствующие привилегии. И все же их тихий уход ввел меня в печаль, и не то чтобы жажду я какой-то крови, но уж какой-никакой анализ их многолетней деятельности следовало бы провести. Люди они явно неоднородные, превосходные организаторы, и разобратся, что в их деятельности хорошо и перспективно, а что дурно и бессмысленно, наверняка следовало бы. Они люди своего времени, колоритные исполнители социального заказа своей эпохи, которую сегодня называют «застоем», стратеги тактического закваса, и несмотря на свое политико-хозяйственное долгожительство — люди слишком сиюминутные. Кто захочет разобратся — еще покопается в близорукой политике этих выходцев «тюменской школы». Меня же они интересуют как творцы и идеологи, ретивые практики и доблестные проводники так называемого вахтового, или вахтово-экспедиционного метода. Наверное, в какой-то небольшой разумной мере вахтовый метод был вполне приемлем, уместен, но Щербина, Баталин, многочисленные их ученики и верноподданные последователи, возглавлявшие направленные на Сибирь министерства и ведомства, курировавшие в кабинете министров «топливно-тюменское направление», развели такую вахтовую вакханалию, довели вахтовый разгул до такого безумия, что Сибирь долго не оправится от этой чумы. Крестные отцы временщины, они насаждали ее с размахом, с удовольствием и масштабным упоением, обосновывая свои заявки и притязания нуждами государства и вверенных им отраслей добывающе-строительного комплекса. Не сотни и тысячи, а десятки и сотни тысяч мужчин и женщин, преимущественно — мужчин, из самых невообразимых городов и всей слетаются на жирный и богатый тюменский пирог: бурят, строят, прокладывают, возводят. Бурят аварийно фонтанирующие скважины, строят газопромыслы, которые через некоторое время взрываются, прокладывают дырявые газопроводы, возводят дома и школы, в которых невозможно ни жить, ни учиться.

Если человек любит родную землю, он работает добротнo — понимает, что его работу оценят или осудят его соседи, родные, земляки; сделанное плохо будет постоянным укором ему, да и его детям. А где же взяться такому чувству доброй совестливости, добротности, если живет рабочий человек за тысячи километров от того места, где трудится. Сегодня он здесь, завтра там, проверить добротность его квалификации сложно, приходится только верить на слово: там-то он открыл, там-то покори́л, там-то прошел первым. Откуда взяться сибирскому патриотизму, если человек согласился годиков пять поминаться по северам, чтобы обиходить свой домик в Ивано-Франковске, Ставрополе, Грозном, Клайпедe, Львове, Могилеве, Тарту? За какую экологию ему биться в Ямбурге, если его корень в Баку, Черновцах, Борисполе, Вентспилсе, Тамбове, Альметьевске, Речице, Армавире? Какой с него спрос, если он месячишко-другой оттрубил и как по ж-

это треть всех сибирских уловов. Нефтяного пресса не выдерживает не только «император» обских вод — осетр, но даже неприхотливая щука. В реках появилось нечто ихтиологически невиданное — «нефтяные мутанты». Ватинский Еган, Большой Балык, Остяцкий Живец, Савкинский Пасол, озеро Самотлор, протока Лангепас... Кадастр полностью умертвленных, безвозвратно загаженных водных потоков, насчитывающий уже сегодня не менее полусотни рек, неудержимо пополняется.

Каким еще должно быть «отхожее место» планеты! Только на полярных пространствах области порушено свыше 6 млн. га плодородной тундры. На Ямальском полуострове газовики — на вполне законно-проектных основаниях — намерены вывести из строя еще полмиллиона гектаров оленьих пастбищ (сверх проекта они уничтожат, понятно, вдвое-втрое). Только передовой отряд освоителей — нефте-разведчики — «скромно» вытоптали здесь 300 тыс. га ягельников. Подрыв оленеводства — уничтожение экономической базы и культурной самобытности живущих здесь коренных северян — ненцев.

Если учесть, что по площади Тюменская область — это три Франции, то чуть ли не ежегодно здесь отторгается-уничтожается то лесная Бельгия, то речные Нидерланды, то тундровый Люксембург, то травится воздух совокупного Бенилюкса. Таков размах утрат! Где-то это считалось бы катастрофой государственного ранга, но великомасштабная Тюмень все терпеливо сносит. По подсчетам руководителя экологической экспертизы Ямало-Ненецкого окрисполкома, кандидата географических наук Вячеслава Лукичова, только загрязнение вод отечественным нефтепромом нанесло государству ущерб в 346 млн. руб. При подобной вакханалии за следующие два десятка лет ущерб достигнет 1,5 трлн. руб. Уму непостижимо! Мы богаты, но, по-моему, со знаком минус. Возможно, лукичовские цифры не предельно точны, но масштаб бедствия они отражают верно. Куда, казалось бы, больше! Но темпы, с которыми все это — с перестроечным ускорением! — продолжается, заставляют говорить, что Западная Сибирь неотвратимо вписывается в глобальную экологическую катастрофу. Казалось бы, остановиться, призадуматься... Но нет, величавого прожектера вновь тянет в Сибирь с новой масштабной дерзостью, мнятся очередные глобальные дерзания: ведь что ни сделай в Сибири дорогого, все окупится оптовым масштабом.

Как иначе воспринять проект создания в Тюменской области целого каскада нефтехимических комплексов? Определялись адреса: Уват, Нефтеюганск, Сургут, приполярный Новый Уренгой, Нижневартовск, назывались астрономические цифры стоимости: за сорок миллиардов рублей. Как понимаю, материалисты в чудеса не верят. Но как истолковать такой факт? Первенец тюменской нефтехимии — комбинат в Тобольске (стоимость чуть больше 1 млрд. руб.) долго-строят третью пятилетку. Простая задачка — сколько же лет требуется, чтобы построить каскад комплексов за 40 млрд. рубчиков? Не очень точно — но получается не одно столетие. Это если по реально-

му расчету. Но ведь готовили некие безымянные государственные мужи это шапкозакидательское предприятие, которое не подкрепляется арифметикой первого школьного класса.

Когда в последнее время я думаю о родной и любимой земле (с ней связана вся моя жизнь) — все чаще приходит на ум это слово — многострадальная. Многострадавшая Сибирь! Чего ты только не вынесла от ретивых головушек, что тебе еще вынести предстоит! Ведь ведомственному прожектору, головастому правительственному клерку, казенному энтузиасту хочется показать себя глобально: чего мечтаться, когда в Сибири можно закрутить дела — хватит распутывать нескольким поколениям. Конечно, можно ностальгически вспоминать, сколь девственно-прелестно выглядел западносибирский край десятков-другой лет назад, но сегодня продуктивнее думать о том, как остановить надругательство. Сибирь серьезно ранена.

Тревожит меня вот такой аспект проблемы: почему местная сибирская власть вынужденно становится послушной исполнительницей того, что мы называем диктатом ведомств — чаще всего столичных? Как на правительственном уровне происходит принятие важных для региона решений — это и в эпоху гласности тайна за семью печатями. Где я могу посмотреть протокол того заседания, на котором принималось решение по пакету тюменских нефтехимических проектов, кто голосовал «за», кто «воздержался», кто предлагал иные решения? Судя по письму шести министров («Коммунист», 1989, № 5), все они выступают дружно-единым фронтом. Надо полагать, так же согласованно действовали министры нефтепрома, химпрома, нефтехимпрома, газпрома, медбиопрома, минудобрений и на стадии подготовки правительственного решения. Сегодня согласованно-ведомственные предложения скреплены подписью Председателя Совета Министров СССР. И это решение, подписанное кабинетно — в кабинете министров, автоматически становится приказом для органов власти на местах, законом для Советской власти. Но позвольте! — депутаты на местах не принимали никакого участия в подготовке решения. Возможно, существуют какие-то юридические тонкости, но, на простодушно-гражданский взгляд, именно здесь следует искать скрытый механизм подмены государственного, советского интереса ведомственным. Подписанное постановление — сильнейший рычаг ведомственного нажима на территорию. Чиновникам удобнее навязать правительственный приказ, нежели готовить безупречный во всех отношениях проект. Местные власти попросту оказываются в дурацком положении, сегодня — лицом к лицу с разгневанной общественностью, которая не хочет мириться с тем, что ей насильно навязывают.

А как в разумном мире оценивается такой факт: сначала, скажем, в декабре, принимается правительственное постановление, а полгода спустя, в июле, на первом Съезде народных депутатов СССР утвержденный премьер публично вынужден признавать его несостоятель-

ность? Правительственная мудрость задним числом — запоздалая реакция на все тот же ведомственный нажим.

Совсем ли не нужны Тюмени нефтехимические комплексы? Хотя бы один — полтора? Беседую — спорю с известным отечественным экологом, членом-корреспондентом АН СССР, народным депутатом СССР Алексеем Яблоковым. Общая позиция Алексея Владимировича глубоко симпатична: у природы следует брать бережно, расходовать предельно эффективно.

— Хорошо, — соглашаюсь я, — не будем строить нефтекомплексы. Но экологическая реальность сурова, и следует немедленно принимать экстренные меры. Согласен, комплексы не решат, а усугубят проблемы. Но что взамен их — чтобы погасить факелы, предотвратить загрязнение вод и земель?

— Все, что мне известно о новом тюменском проекте, — подумав, ответил авторитетный ученый, — это отрывка экстенсивной экономики, в XXI век с ним тащиться неразумно. Сегодня надо спешить спасти ваш тюменский дом, но стратегически мы должны прекращать насилие над невозобновимыми ресурсами, сокращать добычу нефти, да и газа.

— Наша сегодняшняя экономика готова к этому?

— Пожалуй, нет, — разводит руками эколог. — Но это не довод. рано или поздно надо начинать.

Полагаю, что мои заботы ему кажутся мелковатыми, но я-то помню изрубцованный, израненный тюменский нефтяной меридиан. Что-то надо предпринимать немедленно. У кого узнать — что? Полагаю, что нет в стране ученого-специалиста, который мог бы ответить более конкретно. А может быть, именно в этом корень проблемы: ведомства предлагают всегда кособоко-единственный вариант, без альтернатив, загоняя в тупик. Ведь я и сегодня хочу верить, пусть не весь этот гомерический проект пакетов, а вот одно — полтора предприятия химпереработки позволят разогнать экологические тучи над «нефтяной помойкой» страны. Я слышу — нет, химкомплексы не помогут. Но никто не сказал — что все-таки поможет?

В чьих руках экологическая истина? Сегодня каждый уважающий себя город обзавелся собственным «зеленым движением». Люди неравнодушные, граждански активные, тюменские «зеленые» умеют постоять за родной дом. На митингах, в пикетах протеста, на демонстрациях впервые сформулированы торопливые, но симпатичные идеи против строительства завода химических удобрений в «тюменской Швейцарии» — Ярково. Удалось отстоять нерестовую речку Сось, вложена весомая лепта в приостановку неразумного освоения полуострова Ямал. Единодушно не принят в области угрожающе глобальный нефтехимический пакет, что заставило правительство пойти если не на попятную, то на значительные корректировки. Гражданское негодование заставляет заинтересованные ведомства тщательно

и дотошнее искать площадки под новые производства. Создается гражданская ассоциация городов, расположенных на берегах страдающей Оби, — силами общественности начата долговременная акция спасения великой «сибирячки».

Общественный комитет «Экология человека» прославился тем, что «отстоял» родной Нефтеюганск от посягательств печально знаменитого Минмедбиопрома — десятки тысяч нефтеюганцев решительно высказались против строительства в окрестностях города экологически «неясного» завода БВК. Разговариваю с председателем комитета Владимиром Московкиным. Владимир Ильич — нефтяник с многолетним стажем, главный технолог одного из отделов объединения «Юганскнефтегаз».

— Нельзя ли понимать вашу борьбу с биопромом как борьбу одного ведомства против другого, которое в Нефтеюганске посягнуло на вашу монополию?

— Ни в коем случае, — обиделся Московкин. — Мы боремся против вреднейшего производства.

— Но биопром, — не отстаю я, — только собирался нанести урон, — а юганские нефтяники его уже нанесли, серьезный, пожалуй, невосполнимый.

— Мы начинаем бороться и против собственного ведомства. Наша задача — не допустить новых экологических преступлений, восстановить порушенное.

— Скоро окрестные нефтяные месторождения покажут свое «дно». Если сюда не придет солидное стабильное производство, Нефтеюганск превратится в город без будущего. Не сказали ли вы «нет» не только биопрому, но и будущему города?

— Мы думаем об альтернативах.

Святос, на мой взгляд, дело сделали нефтеюганцы, но азарт борьбы порой заставляет забыть о дальнем просчете. А ведь перспектива стать городом-миражем не у одного Нефтеюганска, они уже неотвратимо грядут, молодые безработные города Тюменщины. А взявшись сказать «против», должно продумать — а что же взамен?

(Может, — сомневаюсь, — не следовало об этом писать, но, впрочем, зачем кривить душой? Потолковал с Московкиным, смотрю мстительную телехронику: на кадрах зловеще-черные ядовитые дымные клубы горячей нефти — нефтяники нагло, грубо, примитивно уничтожают следы — жгут разлитую нефть. Сюжет из Нефтеюганска, где, напомним, главным технологом в нефтяном объединении трудится и Владимир Московкин. Это к вопросу о «поиске альтернатив»...)

«Зеленое» движение сегодня — пока чаще всего тревога общества, стихийный протест, желание не безмолвствовать. Но у «стихийных» экологов, впрочем, как и у властей, нет научных экспертов, нет надежной системы проверки тех или иных экологически грязных производств, тем более — предлагаемых проектов. Все это у общества дав-

но и прочно отобрано ведомствами. Катастрофически не хватает не ведомственно-купленной, а независимой науки.

Какова же позиция партийных властей, как действуют они в непривычных для себя обстоятельствах?

Без особого социологического опроса ясно: сегодня значительная масса людей непоколебимо уверена, что партвласти по «ту» сторону экологических «баррикад», партийные решения ассоциируются с самыми безграмотными производственно-структурными решениями. Ведь не без партийного благословения вручались в Тюменской области ордена руководителям главков геологов, нефтяников, строителей, газовиков, которые ковали свои трудовые «достижения» чаще всего за счет беспощадного отношения к природе.

Хотя сегодня диалог начат, и можно привести несколько позитивных примеров, рожденных практикой хотя бы текущего года. Если в прошлом мае экологическая общественность Тюмени митинговала на площадях, то нынче местный горком партии провел боевой совместный разговор, на котором слово получили и зеленые «экстремисты». Ямало-Ненецкий окружком КПСС первым, руководствуясь интересами сохранения хрупкой северной земли и ее коренных обитателей, взял на себя смелость выступить против правительственной практики потакания ведомствам, сделал все, чтобы приостановить освоение полуострова Ямал. В Ханты-Мансийском окружкоме партии много делают по конкретной экологии, в частности деловую поддержку нашла акция по спасению Оби. Меру мужества проявляет Тюменский облисполком, раз за разом «ревизуя», отвергая непродуманные правительственные постановления.

Хочу представить себе ситуацию на заседании Президиума Совета Министров СССР, где обсуждался вопрос, как взять газовые богатства недр Ямала — лихим испытанным наскоком, либо повременить и заставить обнаглевшие ведомства исполнить гражданско-экологический долг. Социально-экологические интересы заполярного полуострова защищают всего двое — председатель Ямало-Ненецкого окрисполкома Л.С. Баяндин и председатель Тюменского облисполкома Н.А. Чернухин. Кто противостоит им? — матерые министры с весомо-ведомственными многомиллиардными интересами (газовый проект «Ямал» тянет десятка два, а то и три миллиардов), заместители премьерера, в свое время браво прошедшие «тюменские университеты». Ведь сомнут, сотрут, уличат в преступном непонимании государственного интереса. Поймет ли местные резоны и Председатель Совета Министров? — ведь страна нынче не в лучшем положении, а на дешевом природном газе так легко и быстро можно взять необходимые дивиденды.

Да, пресса свое слово сказала. Да, общественность шумно опротестовала ведомственные намерения. Но вот здесь, когда пришло время поставить окончательную точку, нужна гражданская смелость тюменским посланцам. Вернешься в родную область, разведешь руками — Москва, мол, Совмин, за ними право решающего голоса. Поди не осу-

ют земляки, посочувствуют. Перед столичными авторитетами не трудно спастись, можно смалодушничать.

Выстояли сибирские представители. После их выступлений Президиум Совмина благоразумно решил согласиться с твердой тюменской позицией, отложил неподготовленное наступление промышленников на «соленый» полуостров.

* * *

На одном ученом коллоквиуме, который проходил в Ханты-Мансийске, обсуждали проблему — как жить коренным северянам в условиях промышленного освоения-окружения. Трагично положение аборигенов — по существу, их лишили родовой земли, отобрали то, что кормило столетиями. Многим показалась симпатичной продекларированная идея, которую в лучших ученых традициях игриво обозначили «заповедная зона», что в переводе с языка гуманитарных эвфемизмов сурово означало скомпрометированную «резервацию». Мол, остались еще на этой земле нетронутые здоровые пяточки (урочища, уголья, речушки), и вот, пока не поздно, следовало бы их заповедать, да и передать коренным жителям — малым сим рода человеческого — хантам, манси, селькупам, ненцам. Были они — худо ли бедно — хозяевами большой целой земли, пусть напоследок похозяйничают на остаточных заплаточках. И вроде действительно — все лучше, чем ничего.

Тогда поднялся невысокий хлипкого телосложения приглашенный художник, родовой ханты, и серьезно, без всякого юмора, усомнился:

— Почему резервацию человеку, а нефтяной технике весь сибирский простор? Давайте поступим наоборот: отведем зоны-резервации для буровых, нефтепарков и остальной промышленной сволочи, а вот на остальном просторе будем жить по-человечески.

Мне нравятся такие наивные люди, они как-то божественно-наивны, ибо помнят о божественной природе человека и о том, что Бог сотворил и твердь, и воду, и бездну, а все, чем пользуется промышленность, упрятал поглубже, чтобы мы пользовались запрятанным в недрах разумнее и рачительнее. Как ответишь на наивненький вопрос: почему мы строим свой государственный дом так, что хозяину, самим себе отводим самое незначительное убогое место?

Очень мне по душе идея промышленных резерваций. Вся эта железобетонная, арматурно-стальная, чадящая, дымящая, как верно выразился хантыйский художник, «промышленная сволочь» должна занимать свое истинное, достаточно скромное, скупое место. Бог следовал хозяином на земле человека, а не его уродливых чудищ.

На первом Съезде народных депутатов наш премьер, Николай Иванович Рыжков, представил новый правительственный кабинет — два бывших заместителя председателя правительства в него не вошли: Борис Евдокимович Щербина и Юрий Петрович Баталин. Причины

размах сибирский — вроде неудобно здесь братья за дела скромного калибра, непременно нужно устроить звон на весь мир. Э-э-х, расплодится сибирская ширь к всемирному замаху! При жизни одного лишь поколения какие только проектные дерзания не обрушивались на эту привольную землю! Сначала весь ее север дерзновенные энтузиасты хотели затопить рукотворным студеным морем грандиозной Нижнеобской ГЭС. Когда с затеей «затопить» не вышло, решили обильно осушить Сибирь «осушить» — повернуть вспять воды великой Оби и Иртыша. Пока и это не получилось. Но руки чешутся...

Считается, спасла Сибирь от рукотворного моря вовремя открытая тюменская нефть... Действительно, спасла, но скорее экономику впадшего в долгий застойный клинч государства. Сама же Сибирь, «нефтяной» — как ее велеречиво крестили — «континент», опора и оплот страны, превращается в гигантскую нефтяную лужу. Костьми-косточками под трак освоителя ложится вековечно величавая тайга, скудеет отравленный воздух, гибнет величайшая в мире обская тайга, мертвенно стекленеют голубые глаза озер, истекая грязными слезами; нефтесточными канавами становятся некогда рыбные реки и речки. Так спасла ли нефть саму Сибирь?

С легкой руки ученых — авторов письма в «Известия» (№ 94, 1989 г.) «Еще одна стройка века?» Тюменской области предрекают мрачное будущее «мирового отхожего места». Не знаю, по каким критериям присваивается подобный обязывающий титул, но сердцевина Тюменской области — Среднее Приобье — «отхожим местом» смело может называться уже сейчас. Нефтяники при добыче теряют вполне допустимые стандартами два процента. Скромные проценты при сибирском размахе выливаются в 5 — 7 млн. т нефти, которые попадают не в трубопроводы, а в почвы, озера, болота, речушки. Обь, собирая нефтяную грязь, «асфальтирует» дно Карского моря. Каждодневные аварии (до 700 в год) свищевато-ненадежных трубопроводов заметно увеличивают допустимо-льготный процент. В заревах знаменитых тюменских факелов ежегодно сгорает, пожирая сибирский кислород, уже 15 миллиардов кубометров попутного нефтяного газа. Улучшений не предвидится — в действие вводятся мелкокалиберные месторождения (эпоха самотлоров минула), а это означает, что щедро чадающих факелов добавится вдвое-втрое.

Почти 100 тыс. га земель ежегодно отдается на растерзание ненасытному и все пожирающему нефтегазовому молоху: уничтожаются лесовосток, безудержно сдираются мхи и травы, навечно калечатся лесные массивы. В раскромсанной грязи хоронится четверть миллиона кубометров вполне пригодной древесины, она превращается в древесный фарш, гниющий хлам, еще миллион тасжных «кубиков» бесхозяйственно губится на нефтепромыслах. Могучая полноценная тайга перерождается в бросовые ивняки-березнички. А в зоне лесостепи березовыми колками долгое время — в лучших традициях первобытного земледелия! — «удобряли» тюменскую пашню! Почти 15 тысяч тонн сибирского первосорта недосчитываются рыбаки Оби —

тафете передал бульдозер, буровую, недостроенный этаж такому же временному сменщику, которого встречает только на перевахтовке, когда недосуг и парой слов переброситься.

И на какой закваске взрасти его северному патриотизму, если вахтовику положено все самое убогое, временное, завалящее, когда на него смотрят не как на человека, а признают в нем только рабсилу в крайнем случае — «человеческий фактор»?

Метод вахтово-экспедиционной безответственности — это сотни тысячи, десятки тысяч больных, раненых душ, которые за вахтовый длинный рубль продают рабочую гордость, бывшее мастерство, престиж, которые потеряли самое главное — гордость за хорошо сделанное дело. Иго вахтовых орд продолжает творить разрушительное дело: исконный сибиряк растворяется в толпе необузданных пришельцев, и уже некому радеть, восставать за родную, раненую землю.

И, как выясняется, спросить за эти посеянные злые семена временщины не с кого: персональные пенсионеры спокойно объясняют, что было требование момента, державе срочно требовалось, они делали, что могли и умели, старались.

Я слышал, как Борис Евдокимович Щербина горячо доказывал, что нет, не было в Западной Сибири застоя, были горячие будни, было служение стране, интересам государства.

— Если бы не Саяногорск! — восклицал он с пафосом. — Если бы не Тюмень...

И не хотел понимать уважаемый стратег, что, паразитируя на богатстве недр Тюмени, государство позволяло себе застой в мозгах. Недалновидная политика оставила раненой земле эпидемию временщины, и еще долго лечить больные души соотечественников, которые привыкли проходить по родной земле, как по чужой.

Отношение к природе — мера нашей гражданской ответственности. Кто сегодня поймет партийного руководителя, который всю сознательную жизнь руководствовался промышленными приоритетами, да и сегодня забывает о самом главном — как помогут свежие социальное проекты сбережению природы, не усугубят ли экологически напряженную ситуацию? Однако не перевелись высокопоставленные партийцы, которые в прежнем стиле, не умея почувствовать тревоги собеседника-современника, понимают экологическую консолидацию как навязывание собственных представлений, вкусов, привычек, считая их единственно верными. Такой «токующий глухарь», замороженный собственным пением, уже не в силах разобратся в настроениях общества. В создавшейся экологической обстановке должны, попросту обязаны появиться неформальные защитные движения. Радоваться этому следует — значит, не временщики только обживают Сибирь, не равнодушные люди, коли грудью встают на защиту родного края. Много крику и визгу? Да как же не крикнуть, как не возопить от долголетнего бессилия?

После одного особо темпераментного митинга я задумался: куда выводит толпу на площадь в Тюмени, Сургуте, Увате, Нижневартовске, Салехарде? — только ли неукротимые, неистовые ревнители природы? Пожалуй, не только они. Полноправными «организаторами», провокаторами необузданных митингов, на мой взгляд, выступают и те партийные деятели, которые не хотят, не умеют вести серьезного, конструктивно-превентивного диалога, разжигают страсти своей твердолобостью, неуступчивостью, ложным пониманием принципиальности, неизжитым партийно-чиновным снобизмом.

Почему, к примеру, протестует народ против строительства заводо-химудобрений, а демонстрирует у обкома партии? Что это — незнание адресата? Я понимаю так — партийные комитеты серьезно недорабатывают на экологическом направлении, по инерции считая его второстепенным. Граждански активная часть населения и берет дело в свои руки, попутно протестуя против пассивной позиции партийцев. А неужели у коммунистов иное отношение к природе, нежели у беспартийных? Насущная, важнейшая экологическая арена часто без боя уступается самодетельным формированиям — укреплению партийного авторитета это вряд ли способствует. Экология сегодня — самая настоящая, самая житейская политика. Десятки болевых проблем — и никто в партийном комитете не отвечает за них по долгу партийной совести. Многого здесь, понятно, зависит от «первого». Казалось бы, такая область-государство, как Тюменская (здесь все изобильно — степь, лесостепь, тайга, горы, болота, великая Обь, тундра, Ледовитый океан) должна иметь свою экологическую программу, тот знаменитый «установка», не зная и не соблюдая который не стоит и лезть сюда, чтобы строить и добывать. Бывший первый секретарь Тюменского обкома КПСС Г.П. Богомяков на мой вопрос, разрабатывается ли в области экологическая программа, несколько элегически ответил:

— Нужна ли еще одна бумага?

Конечно, любое дело можно превратить в формально-бумажное, но ответ демонстрирует и отношение умудренного партийного руководителя к животрепещущей проблеме. Геннадий Павлович, практически безоговорочно поддерживая идею циклопического нефтехимического проекта, с излишней патетикой заявил в интервью газете «Известия» (16.04.89), что сооружение этих комплексов — «вся моя жизнь». Видимо, сказывается многолетняя практика промышленных приоритетов.

Несмотря на шумную мировую известность, нефтяной эмират «Тюмень» в действительности остается индустриально-убогим, кособоко-сырьевым придатком топливно-энергетических министерских монополий. Национальное богатство беспутно проматывается без особой пользы и для области, и для страны. Пожалуй, сравнение с эмиратами не вполне корректно: арабские шейхи себе в убыток нефть не продают, при снижении цен на нее сразу же приостанавливают добычу, сокращают квоты, лишь наша безудержно разнашивающаяся машиная держава, несмотря на катастрофическое понижение цен

бессмысленно гнала и гнала нефть по демпинговой дешевке, вылазала и перевыполняла невозможные планы и героически встречные обязательства. «Черное золото» превращалось в неконфигурируемую разменную монету высокопоставленных политических амбиций. От этой дешевой остервенелости в первую очередь страдала сибирская природа. А мы ж гоним-продаем не плоды своего труда, а труды Господа Бога, все той же природы.

Господи, если ты действительно есть на небе, за что лишаешь нас здравого смысла и мало-мальского разума! Никто, наверное, не будет смело возражать, что шанс богатейшего края — развитие собственной перерабатывающей индустрии, выпуск высокотехнологической продукции, сотрудничество с зарубежными, намного нас обогнавшими фирмами. Но ведь сибиряки, напуганные годами оголтело-ведомственного диктата, почти однозначно отвергли идею Большого Нефтеграда, разумно сознавая, что разделение труда будет прежним: дивиденды — ведомствам, социальные и экологические издержки — тюменской земле.

К чести партийного актива области, на пленуме в отношении НКК он проявил завидное здравомыслие, не поспешил поддержать неумеренную восторженность первого секретаря. Даже в надвигающуюся эпоху регионального хозрасчета дальновидное, умелое хозяйствование и распродажа национальных богатств — вещи разные. Тем более что от здоровой идеи до приемлемой ее реализации — чаще всего дистанция серьезного размера.

Как хочется верить, что нынешние проектировщики, имея в виду хотя и «зеленых», но вполне серьезных оппонентов, не позволят себе работу на шармачка, проекты на живульку... Оказывается, куда там — как работали специалисты в стиле торопливого ретро, так и продолжают пекчи застойно-перестроечные проекты.

Доцент Альбин Монкевич, заместитель начальника в Тюменском комитете охраны природы, достает несколько листков убористого текста — экспертное заключение по представленным технико-экономическим обоснованиям Сургутского нефтехимкомплекса и совместного нефтехимического предприятия с консорциумом фирм США и Японии в г. Тобольске. (Из всего глобального проекта тюменского нефтеграда, как было заявлено на Первом съезде народных депутатов, оставлены только эти два НКК). Казалось бы, масштаб, международный престиж, особое общественное внимание не позволят проектировщикам свалить очередной тят-ляп с непредсказуемыми последствиями и гомерическим хохотом на весь мир. Если и случатся у экспертов Госприроды какие-то замечания, то, наверное, так... пустяки. Но когда вникнешь в заключение — волосы дыбом от «допустимых мелочишек». В тобольском ТЭО, к примеру, совсем опущен вопрос о влиянии НКК на состояние воздушного бассейна, не учитывается возможность аварийно-залповых выбросов, неблагоприятных метеоусловий, не предусматриваются меры ликвидации последствий

возможных аварий, не представлен даже экологический паспорт. В качестве неотразимого аргумента в пользу новой, но пока сомнительной технологии приводится факт, что западная фирма первую лицензию продала не кому-нибудь, а Таиланду. Если Таиланд не побрезговал, чего уж вроде затрапезной Россиюшке привередничать! Представляются проектные документы кусками, с задней, видимо, мыслишкой: авось, эксперты забудут — в текучке экологической борьбы, — о чем было писано в предыдущих. А на первой странице и по Тобольску, и по Сургуту я вижу сакраментальную фразу: «Специалисты Главтюменьнефтегаза считают, что совместное предприятие в г. Тобольске (как и НКК в Сургуте. — А.О) не приведет к уменьшению числа факелов на нефтепромыслах области». Как же так, братцы! Мы-то наивно предполагали, что нефтехимкомплексы должны разогнать нефтяные тучи над областью, а, оказывается, это пропагандистская «липа», дымовая завеса для дурачков. Прискорбные чувства испытываешь, листая убористые страницы: проектировщики явно и чрезмерно спешат, забывая (даже сегодня!) об элементарнейшем, в очередной раз испытывая долготерпение сибиряков, попутно дискредитируя идею нефтекомплексов на территории области, как и идею нефтехимии на пространствах страны. Министру нефтехимпрома следовало бы искать противников нефтехимии не в рядах «зеленых», а в подведомственных ему институтах ВНИПИнефть и Гипрокаучук, где торопливые, спешащие специалисты способны довести вполне здравую идею до общественно неприемлемого абсурда.

Недавно побывал в Увате, там, где собирались возводить один из пресловутых комплексов. Крупного строительства здесь в обозримом будущем не предвидится, сроки из-за отсутствия денег в госкармане переносятся в лучшем случае за рубежи текущего столетия. Я и ехал убедиться, что красивая сибирская земля не будет обезображена очередным экологически грязным производством. Уватские просторы по обе стороны Иртыша действительно прелестны, но вместе с эйфорией экологической победы зарождалось другое чувство: у здешней щедрой, богатой земли неясное, трудное будущее. Да, НКК счастливого будущего не сулил, но и без уволенной в экологический запас нефтехимии просвета не видится. Разговоры с местным начальством, с представителями уватских «зеленых» наводят на грустные размышления: есть богатейшие леса, обильные реки, необозримые луга, пашня — хотя бы для рискованного земледелия, а жить особенно нечем. Прошли через район нефтеразведчики, нефтяники, трассовики, транспортные строители, свои нужды как могли решили-справили, а здешней земле для стабильного, уверенного будущего ничего не оставили. Можно, конечно, говорить, что нефтехимические ведомства не собираются, можно иронизировать по поводу того, что местная власть готовно, со всеми потребностями — в очередной раз! — покупается на протянутый прядь ведомственного посула, но все слова не снимут, не остановят трезво-

пи — как завтра будет жить крупный таежный район, на что жить, чем кормиться, тем более что грядущий региональный хозрасчет должников и иждивенцев не терпит.

Я не только об Уватском районе. Уват ведь — готовая модель. Здесь, в Тюмени, мы прожили почти три десятилетия нефтегазовой эйфории, за эти лихие лета солидно выкачали сибирские недра. А что дальше? — На чем держаться экономике Тюменской области, ведь уже ощутимо и грозиво поблескивает «дно» — казалось бы — неисчислимых месторождений чернейшего золота? Каково оно, постнефтяное будущее порушенной, раненой земли, что сделано — хотя бы на гребне нефтяного всемогущества, — чтобы превратить область из колониально-сырьевой в инфраструктурно- и промышленно развитую? Близорукая ведомственная политика об этом не задумывалась, примкнувшая к ним политическая власть послушно дудела в нефтяные горны. Ведь ничего-ничегошеньки не сделано, чтобы область развивалась перспективно комплексно, чтобы угнездились на Тюменщине современные производства, какая-никакая отечественная электроника, а не катастрофически устаревающий суконный комбинат.

Ведомственные конкистадоры прошагают-перешагнут область, как перешагнули не особо заметный на ее карте Уватский район, и новую жизнь нефтяной земле начинать поруганной и обесчещенной, с тяжелым грузом трудно исправимых ошибок. Если нефть, как восторженно метафоризируют поэты, «черная кровь» земли, то сегодня в краю легендарного Самотлора нетрудно убедиться, что в результате героических деяний мы имеем в конечном итоге обескровленную землю. Нефтяной морок долго туманил светлые сибирские мозги, и нищий сибиряк, как в наркотическом тумане, чувствовал себя богатым. Давно пришла пора реально оглянуться на беспощадно тревожную действительность, ведь можно навек остаться нищими даже при неусветном богатстве. Можно жить надеждами. Можно тешить себя иллюзиями. Кажется, последние годы мы прожили в иллюзиях надежд. Три десятка лет назад полнокровный, полноценный край, мощной сибирской выправки, сегодня напоминает калеку, потерявшего в героической эпопее руки-ноги, и без особых надежд на современные костыли-протезы.

О чем тревожишься, оленевод с северного Ямала? О чем твоя печаль, хмурый председатель райисполкома из забытого Увата? Вы правы, ваша земля — вековечная кормилица, а не кратковременная забава для беспечного ведомственного услаждения. Тяжкие боли причинены ей, но Раненая земля. Раненая Родина. Самая тяжелая, когда мы не видим, не знаем, не заботимся о ее будущем.